

УДК: 911.375

DOI: 10.35595/2414-9179-2020-2-26-20-40

О.И. Вендина¹, А.Н. Панин²

КОНТАКТНОСТЬ И КОНФЛИКТНОСТЬ ГОРОДА: ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЙ МОНИТОРИНГ И УПРАВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ³

АННОТАЦИЯ

В данной статье предпринята попытка определить возможный дизайн геоинформационного мониторинга проблем, связанных с ростом этнокультурного разнообразия населения крупнейших городов. Мониторинг рассматривается как одна из опор городского управления и методологический подход, позволяющий решать конкретные задачи в условиях неопределённости и изменчивости самого объекта управления — межэтнических отношений. Авторы исходят из представления о городе как высококонтактной среде — самонастраивающейся социальной реальности, пронизанной множеством связей и взаимодействий, которые поддаются прямым и/или косвенным управленческим воздействиям. Управление этнокультурным разнообразием в этом контексте видится как сочетание тактики следования в русле самоорганизации населения с управленческой логикой противодействия этнической дискриминации, насилию и конфликтам. В статье подчёркивается необходимость междисциплинарного подхода к анализу причин и следствий межэтнических и — шире — межкультурных проблем в городах. Сформулированы основные принципы, обеспечивающие эффективность мониторинга как аналитического инструмента вырабатываемой политики. Показаны возможности и ограничения разных теоретических концепций, методов анализа и источников информации. Подчёркивается роль ГИС-платформы для интеграции и обобщения разнородных данных — от статистических показателей и результатов опросов до «больших данных» и сообщений твиттера. Авторы полагают, что предлагаемая модель геоинформационного мониторинга позволит преодолеть проблему директивного уподобления этнокультурной политики городского уровня политике региональной и федеральной, добиться их синтеза взамен слепого копирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мониторинг, город, управление, этнокультурное разнообразие, ГИС

¹ Институт географии РАН, Старомонетный пер., д. 29, стр. 4, 119017, Москва, Россия; *e-mail:* vendina@gmail.com

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Географический факультет, Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия; *e-mail:* alex_panin@mail.ru

³ Исследование выполнено в Институте географии РАН и на географическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga I. Vendina¹, Alexander N. Panin²

**URBAN CONTACTS AND CONFLICTS:
THE GIS-MONITORING
AND MANAGEMENT OF ETHNOCULTURAL DIVERSITY**

ABSTRACT

This article is aimed to outline the possible design of the GIS-monitoring for revealing the problems associated with the growth of ethnocultural diversity in mega-cities. Monitoring is considered to be one of the urban governance pillars and a methodological approach allowing administration to meet specific challenges in situations, where the object of governance — interethnic relationships — is uncertain, fragile and changeable. The authors assume that an urban environment is a highly contact environment — a self-organized social reality permeated by plethora of links and interactions which can be influenced by the direct and indirect administration. In this context cultural diversity management is seen as a combination of practices corresponding to grass-route processes with strategic logic of the politics of counteracting to ethnic discrimination, violence and conflicts. The importance of the interdisciplinary approach to the analysis of the causes and consequences of interethnic and wider intercultural tensions in the cities is underlined in the article. The key principles of the ethnocultural diversity monitoring which ensure its efficiency as an analytical tool of policy-making are formulated. The empirical abilities and limits of various theoretical concepts, methods, and data sources are shown. The role of GIS as a platform to integrate and synthesize heterogeneous information from many sources — from statistical indicators and survey results to BigData and twitter-messages, is emphasized. The authors believe that the proposed design of the GIS-monitoring should allow to overcome the problem of direct political subordination of the ethnocultural politics at the city level to that at the regional and federal levels, and to realize the synthesis of different approaches instead of replicating.

KEYWORDS: monitoring, city, governance, ethnocultural diversity, GIS

ВВЕДЕНИЕ

Мониторинг — широко используемый метод систематического наблюдения за изменениями, постепенно накапливающимися в природных, антропогенных, социальных и политических системах. Как правило, он преследует несколько целей: а) оценка сложившейся ситуации; б) контроль происходящих процессов; в) прогноз развития событий. Геоинформационный мониторинг в этом контексте означает подчёркнутое внимание к роли пространственных факторов, оказывающих существенное влияние на характер и особенности изучаемых процессов. От обычного сбора, систематизации и анализа первичной информации, также привязанной к месту (административно-территориальным единицам или геолокации), геоинформационный мониторинг отличает детальное знание территории, учёт накопленных ранее проблем и противоречий, а также неконтролируемых обстоятельств, связанных с внешними факторами, политическими решениями и действиями.

Сегодня уже никому не нужно доказывать эффективность геоинформационного мониторинга как аналитического инструмента вырабатываемой политики и территориального планирования, тем не менее, беспрецедентное расширение сферы его использования и проникновение в области, где он никогда ранее не применялся, ставит целый ряд вопросов. Прежде всего, о возможности переноса опыта, накопленного при изучении природных

¹ Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Staromonetny lane, 29-4, 119017, Moscow, Russia; e-mail: vendina@gmail.com

² Moscow State University M.V. Lomonosov Moscow State University, Department of Geography, Leninskie Gory, 1, 119991, Moscow, Russia; e-mail: alex_panin@mail.ru

объектов на социальные явления и процессы. При общей универсальности подхода эмпирические измерения далеко не всегда способны адекватно отразить трансформации, происходящие в жизни общества. Если в случае природно-климатических систем опора на эмпирику позволяет установить причинно-следственные связи и прогнозировать развитие событий на основе корреляционных зависимостей, то мониторинг социально-политических изменений требует каузального подхода. Отсутствие строгой детерминированности человеческого поведения и вероятностный характер получаемых выводов затрудняют принятие управленческих решений. Опытные управленцы склонны скорее доверять собственной интуиции или следовать указаниям вышестоящих руководителей, нежели данным мониторинговых исследований, особенно если они расходятся с их представлениями. Но дело не только в консервативности бюрократического мышления и закрытости системы администрирования, но и в методологических проблемах мониторинга социальных процессов. Выходя за пределы эмпирического знания, исследователь начинает вязнуть в неопределённости и разного рода допущениях, попадает в ловушку устойчивых социальных стереотипов. Преодолеть эти затруднения возможно только при наличии ясных концептуальных установок, понимания того, что именно и для чего мы собираемся мониторить, каковы эмпирические ограничения теоретических построений и используемых методов, где искать данные, позволяющие компенсировать ощущаемый дефицит информации. Это превращает геоинформационный мониторинг из хорошо отработанной процедуры отслеживания динамики конкретных показателей в междисциплинарный и мультиперспективный квест. Неизбежно возникает риск методической эклектики, совмещения несовместимого и в результате неверных выводов. Фактически при соблюдении принципа методологической универсальности мониторинг социальных процессов обладает многими специфическими чертами. В данной статье мы предпринимаем попытку определить возможный дизайн геоинформационного мониторинга проблем, связанных с ростом этнокультурного разнообразия населения крупнейших городов, показать преимущества предлагаемого подхода и его методические ограничения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Города и миграции: мировые тренды

За прошедшую четверть века социально-демографический и этнический состав населения крупнейших городов мира значительно изменился под влиянием миграций. Массовые перемещения людей из регионов «глобального Юга» в города «глобального Севера» [Миграции и города мира..., 2016; Вишневский, Денисенко, 2016; Price, Benton-Short, 2008] позволили восполнить дефицит трудовых ресурсов стареющих мегаполисов развитого мира, но они также привели к снижению доли местного населения в составе городских социумов и культурной плюрализации городских сообществ. В Лондоне и Амстердаме численность т. наз. “British Whites” и “Dutch” опустилась ниже 50 %-ной отметки уже в 2012 и 2013 гг. За ними последовали Париж, Брюссель и Вена. Во Франкфурте-на-Майне — главном финансово-экономическом центре Германии — доля иммигрантов в 2016 г. составила 50 %, в Нюрнберге — 45 %, Мюнхене — 41 %, Дюссельдорфе — 39 %, Гамбурге — 32 %, Берлине — 28 %. Чем более город был вовлечён в глобальные экономические и политические процессы, тем выше была доля иммигрантов в его населении [Schneider, 2018; Tribalat, 2013].

Не менее существенное влияние на крупнейшие города оказал фактор диверсификации регионов исхода мигрантов. В отличие от недавнего прошлого, когда мигранты ассоциировались с представительными и институализированными меньшинствами, как правило, связанными с принимающей страной историческими альянсами и колониальным прошлым, современный этнокультурный спектр миграционного потока формируется множеством мелких этнических групп со всего мира. Например, во Франкфурте-на-Майне проживают выходцы из 177 стран, причём диаспоры

120 из них столь малочисленны, что в совокупности составляют 5,7 % приезжих. В Гамбурге — совокупная численность выходцев из Польши, Турции и Афганистана — трёх крупнейших землячеств города — едва превышает 10 %. Остальные иммигранты принадлежат к различным этно-национальным группам, каждая из которых не дотягивает до 1 % [Schneider, 2018]. Это не только создаёт проблемы городского общежития и соседства, ставшие уже привычными, но и значительно осложняет работу общественных институтов — системы образования, социального обеспечения и здравоохранения. Основной проблемой становится не культурное многообразие и необходимость особой политики, адресованной всё новым и новым меньшинствам, а размывание социально-нормативной культуры большинства, характеризующей принимающее сообщество. Фактически это означает необходимость пересмотра таких фундаментальных для европейского общества понятий, как нация, гражданство и национальное единство [Castles, 1993]. Справедливость данного тезиса подтверждают горячие дебаты между сторонниками культурного плюрализма и защитниками национальных ценностей, которые развернулись в европейских медиа в связи с «кризисом мультикультурализма» и последовавшим вскоре «миграционным кризисом».

Ситуация в крупнейших российских городах имеет много сходных и одновременно отличительных черт. Все они, а не только столицы — Москва и Санкт-Петербург — являются миграционно привлекательными и притягивают выходцев как из сельской местности, так и из постсоветских государств. При этом чем менее благоприятной является экономическая ситуация в городе и активнее идёт отток местных жителей в более динамичные центры страны или за рубеж, тем заметнее миграционное замещение населения. Помимо экономики, на процесс этнокультурной плюрализации российских городов влияют их статус (столичность) и географическое положение — близость к ключевым экономическим центрам, транспортным узлам, границам и зонам межкультурных контактов¹. Хотя к этническим и культурным меньшинствам в российских городах применяется термин «диаспора», подавляющее большинство из них не является диаспорами других государств. Это граждане России, обладающие всеми политическими и социальными правами. Если употреблять термин «диаспора» в строгом смысле слова, то они сформированы преимущественно выходцами из постсоветских стран, их представители являются наследниками общей советской культуры, следы которой сохраняются до настоящего времени. Советское влияние проявляется не только в привычках и обыденных практиках людей, но и в укоренившихся представлениях о национальной политике. В советские годы её отличала двойственность: с одной стороны, она разводила этнические группы по «своим» национальным квартирам, где создавались условия для реализации этнокультурных запросов, а с другой — делала ставку на этнически индифферентную городскую культуру, опирающуюся на идеологию интернационализма. Постсоветская легитимация этнокультурного плюрализма как принципа городской жизни, пришедшего на смену советской унификации, была воспринята большинством городского населения как драма человеческих отношений. Люди увидели в происходящих изменениях не столько проявления нового типа развития, сколько шаг назад и угрозу привычному порядку вещей [Мукомель, 2017; Вендина, Паин, 2018]. Миграционные процессы, которые ещё относительно недавно воспринимались как знак социальной мобильности и романтики, стали рассматриваться через призму конфликтности, а проявления групповой солидарности (земляческой и этнической) — вызывать подозрения. Как и в западных обществах, в России развернулась дискуссия между сторонниками культурного плюрализма и защитниками национальных ценностей. Был поставлен целый ряд вопросов, имеющих вполне

¹ Случаи гомогенизации этнического состава населения российских региональных центров, как, например, в Грозном, редки; они являются следствием вооружённых конфликтов и оттока русского населения, напуганного агрессивными проявлениями этноцентризма

практическую поддержку. Прежде всего, о мирном и продуктивном взаимодействии людей с разным опытом социализации и системами ценностей в «тесном» городском пространстве. Как оценить выгоды и риски роста этнокультурного разнообразия городов? Какие социальные принципы, нормы и правила необходимо поддерживать для устойчивого функционирования общественных институтов? На какие теории, концепции и практики можно опереться при выработке политики интеграции городского населения и профилактики потенциально возможных конфликтов?

Контактность и конфликтность города: теория и подходы

Крупнейшие города — это в высшей степени динамичная среда, в которой ежедневно происходят тысячи контактов, в т.ч. между людьми, имеющими разные интересы, взгляды и убеждения. Большинство возникающих между ними противоречий и конфликтов не имеют отношения к этничности и являются социальными по своей природе. Тем не менее, этничность, по словам Роджерса Брубейкера, «пропитывает» взаимоотношения людей, выражаясь в знаниях здравого смысла, повседневной рутине, институциональных формах, дискурсах и социальных сетях [Брубейкер, 2012]. Именно поэтому под любую неприязнь несложно подвести этнический фундамент. Однако аргументация, основанная на этнических предубеждениях, далеко не всегда работает как фактор мобилизации и подталкивает к межгрупповым конфликтам, куда чаще люди остаются нечувствительными к ней. Частично ответить на вопрос о причинах возникновения и невозникновения этнических конфликтов в городах позволяют три теории — контактов, межгрупповых конфликтов и идентичности.

Теория контактов (*Contact theory*) была предложена в середине 1950-х гг. [Allport, 1954]. Ей предшествовали развёрнутые научные дискуссии о природе этнической предвзятости и её истоках — от усвоенных с детства предрассудков и манеры поведения до социально-экономических условий жизни. Одно из наблюдений того времени: всплески этнического негативизма, повышающие вероятность межгрупповых конфликтов, связаны с ростом численности этнических групп и темпами происходящих изменений [Allport, 1954, p. 221–229]. Выдвигая гипотезу о контактах как инструменте снижения напряжённости межэтнических отношений, Гордон Оллпорт исходил из предположения о ключевой роли межэтнической предвзятости и негативных стереотипов в провоцировании конфликтов. Суть предложенной им теории сводится к довольно ясному и простому принципу: прямые взаимодействия между людьми, разделяющими разные этногрупповые идентичности и системы ценностей, позволяют преодолеть взаимное предубеждение и предрассудки. Больше контактов, меньше предвзятости, страхов и фобий. Однако, чтобы данный принцип сработывал, необходимо соблюдение целого ряда условий. Представители взаимодействующих групп должны: а) обладать равным или сравнимым статусом; б) быть взаимно заинтересованными и мотивированными к совместным действиям; в) взаимодействовать не только на официальном, но и неформальном уровнях. Важными факторами также являются — наличие опыта позитивных контактов, опровергающих негативные стереотипы, а также одобрение и поддержка со стороны общества и власти.

В 2000-х гг. в связи с обострением миграционных проблем и быстрым ростом численности иммигрантов в мегаполисах мира теория контактов вновь оказалась в центре внимания [Vertovec, 2007; 2019; Pettigrew, Tropp, 2008; 2011; Hewstone et al., 2014]. Сегодня на неё опираются не только многочисленные академические исследования, но и городская практика, связанная с программами аккомодации мигрантов [Рубл, 2012; «Свои» и «чужие» ..., 2016; Варшавер и др., 2017; Цапенко, 2018]. Эмпирические эксперименты убедительно доказали наличие устойчивой обратной корреляции между интенсивностью межгрупповых контактов и этническим негативизмом. Однако возникли и сомнения.

Если на персональном уровне позитивный «эффект контактности» проявлялся вполне отчётливо, то на уровне межгрупповых взаимодействий он становился менее очевидным, превращаясь, по мере роста численности контактирующих групп, в свою противоположность [Forbes, 2004]. Также оказалось, что позитивный эффект контактов в большей

мере влияет на представителей большинства, нежели меньшинств [Tropp, Pettigrew, 2005]. Возник вопрос об интерференции «эффекта контактности», понижающего уровень межгрупповой неприязни, и «эффекта предвзятости», негативно сказывающегося на частоте и качестве контактов. Оба эффекта практически в равной мере влияли на состояние межэтнических отношений и настроения людей [Binder et al., 2009], а динамическое равновесие, спонтанно устанавливающееся между ними, легко нарушалось внешними обстоятельствами — от масштабных геополитических изменений до политических игр локальных элит [Шнирельман, 2010]. Приток иммигрантов в крупнейшие города и рост этнического многообразия населения всё чаще стали упоминаться в числе факторов, препятствующих устойчивому и демократическому развитию общества. По мнению Роберта Патнэма, эти процессы привели к снижению уровня социальной солидарности в обществе и истощению социального капитала доверия [Putnem, 2007], необходимых для нормального функционирования государственных, экономических и общественных институтов [Коллиер, 2016]. Другими словами, как предсказывал ещё Олпорт, при отсутствии необходимых социальных условий, поддерживающих позитивные эффекты межгрупповых контактов, возрастание их интенсивности влечёт за собой проблемы: “The more contact, the more trouble” [Allport, 1954].

Теория межгрупповых конфликтов (*Group conflict theory*) исходит из принципиально иной гипотезы. Предполагается, что межэтнические конфликты являются рациональными по своей природе [Blumer, 1958; Bobo, 1988; Quillian, 1995; Glaser, 2003], их глубинные причины кроются не в культурных различиях, а в неравенстве, бедности и дефиците развития [Billiet et al., 2014]. Этот тезис опирается на многочисленные труды европейских и американских исследователей, которые показывают драматический разрыв в социальном и имущественном положении этно-расовых меньшинств, иммигрантов и принимающего общества в городах [Barry, 2001; Jargowsky, 2015; Andersen, 2019]. Сторонники прагматических аргументов теории межгрупповых конфликтов указывают на прямую связь между ухудшением экономической ситуации и ростом антимиграционной озабоченности городского населения [Meuleman et al., 2009]. В среде наиболее затронутых кризисом социальных слоёв обостряется ощущение незащищённости, неопределённости будущего и наличия конкуренции со стороны «других» за жизненно важные ресурсы — материальные (доступное жильё, работа, доходы, социальный сервис и общественные блага) и нематериальные (статус, культурные ценности и власть). Негативизм в отношении тех, кто рассматривается как угроза собственному благополучию, неважно, реальная или вымышленная, является реакцией на рост числа людей, претендующих на общественные блага. Градус негативизма резко возрастает, когда ощущение угрозы перерастает в чувство ущемлённости групповых привилегий, рассматриваемых как «естественное право». Требования дискриминационной политики в отношении соперников и защиты «своих» интересов обретают массовый характер, что заметно повышает вероятность межгрупповых конфликтов, имеющих этническую и антимиграционную составляющую.

Важно подчеркнуть, что оценка людьми значимости угроз зависит не только от их реального социально-экономического положения и фактически достигнутого уровня жизни, но и субъективного восприятия «катастрофичности» происходящих изменений, опыта негативных межгрупповых контактов, субъективного ощущения собственной успешности или обездоленности, распространённости общественных страхов, формирующих взгляд на существующие и потенциальные проблемы. Неслучайно среди переменных, влияющих на рост антимиграционных настроений, наибольшим прогнозным эффектом обладают не конкретные экономические показатели, а такие характеристики, как структура политических предпочтений, неустроенность личной жизни, социальная изоляция, безопасность в тёмное время суток, уровень безработицы и др. [Rustenbach, 2010; Meuleman, 2011], а среди мер, предлагаемых для снижения уровня межгрупповой напряжённости, —

удовлетворение потребностей в признании, уважении, безопасности и справедливости [Tropp, 2012; Zartman, 2000].

Существенным дополнением к описанным концепциям является теория идентичности, поскольку упомянутые признание, уважение и безопасность имеют прямое отношение к умиротворению конфликтующих идентичностей и мировоззренческих установок. Среди огромного количества публикаций, посвящённых этой теме, для анализа причин возникновения и/или невозникновения конфликтов в крупнейших городах наибольшее значение имеют работы, связанные с самоопределением человека как члена определённой группы — этнической, профессиональной, гендерной или сообщества — политического, национального, городского [Taifel, Turner, 1979; Hogg et al., 1995; Al Ramiah et al., 2011]. Становясь коллективными, такие идентичности не только укрепляют/ослабляют уверенность человека в себе и влияют на его самооценку, но и обретают силу нормативных предписаний, отражаясь на поведении людей. Способствуя внутригрупповой консолидации, они способствуют и выработке стереотипов, опирающихся на представления значительных групп людей, исторические нарративы, рассказы друзей и соседей. С их помощью формируется непротиворечивая картина мира, в которой на себя проецируются скорее позитивные национальные черты и качества, а на попадающих в категорию «другие» — скорее негативные [Hogg, Abrams, 1988].

Нормативные свойства разделяемых социокультурных идентичностей превращают их в важнейший регулятор человеческого поведения и фактор групповой мобилизации. Именно на социально-нормативные установки человека пытаются воздействовать политики разного уровня, продвигая те или иные ценности, идеи социальной интеграции, национальной и/или этнической солидарности (патриотизма). Нужно заметить, что такие «прививки» коллективных эмоций не слишком успешны. В слабо интегрированных индивидуалистических городских социумах, члены которых ощущают себя мобильными, независимыми и автономными, они срабатывают лишь в кризисных ситуациях (если срабатывают). Претензии на уникальность и исключительность каждой личности делают позитивную интеграцию включения менее привлекательным фактором формирования коллективных идентичностей, нежели негативную интеграцию исключения [Luhmann, 1997]. «Другие» начинают определяться через дефицит или отсутствие качеств, которые человек считает нормативными и значимыми для себя. Описание таких не до конца полноценных субъектов социальных коммуникаций изобилует частицами «не» и «без», указывающими на ущемлённость их социальных позиций [Болтански, Кьяпелло, 2011]. Если ещё совсем недавно в категорию «без и не» попадали преимущественно бездомные (бомжи) и девиантные группы, поведение которых не укладывалось в социально-одобряемые нормы и правила (беспредельщики), то ныне представление о городской маргинальности значительно расширилось. Оно включило в себя не только иммигрантов (неграждан) и представителей этнических меньшинств, носителей «неправильных» идентичностей, но и «обычных людей», не попадающих в число мобильных и self-made горожан. Однако и эти «последние» отдают предпочтение не солидаризации со всеми обездоленными ради защиты общих интересов, а негативной интеграции исключения, обеспечивающей им адаптацию к изменениям групповой и институциональной структуры социума [Гудков, 2004].

Описанные тенденции приводят к статусной (позиционной) иерархизации городских сообществ. Если для лиц, занимающих верхние этажи социальной пирамиды, их этническая и даже национальная принадлежность имеет малое значение в силу космополитичности представлений и жизненной практики, то «внизу» этничность является знаком бедности и маргинальности. Ещё хуже то, что подобная этно-статусная иерархия закрепляется в городском пространстве, и на районы, где в силу более низкой стоимости жилья селятся мигранты, общественное мнение навешивает ярлык этнических анклавов и гетто (рис. 1).

Достаточно очевидно, что подобное маркирование городского пространства повышает конфликтность городской среды¹.

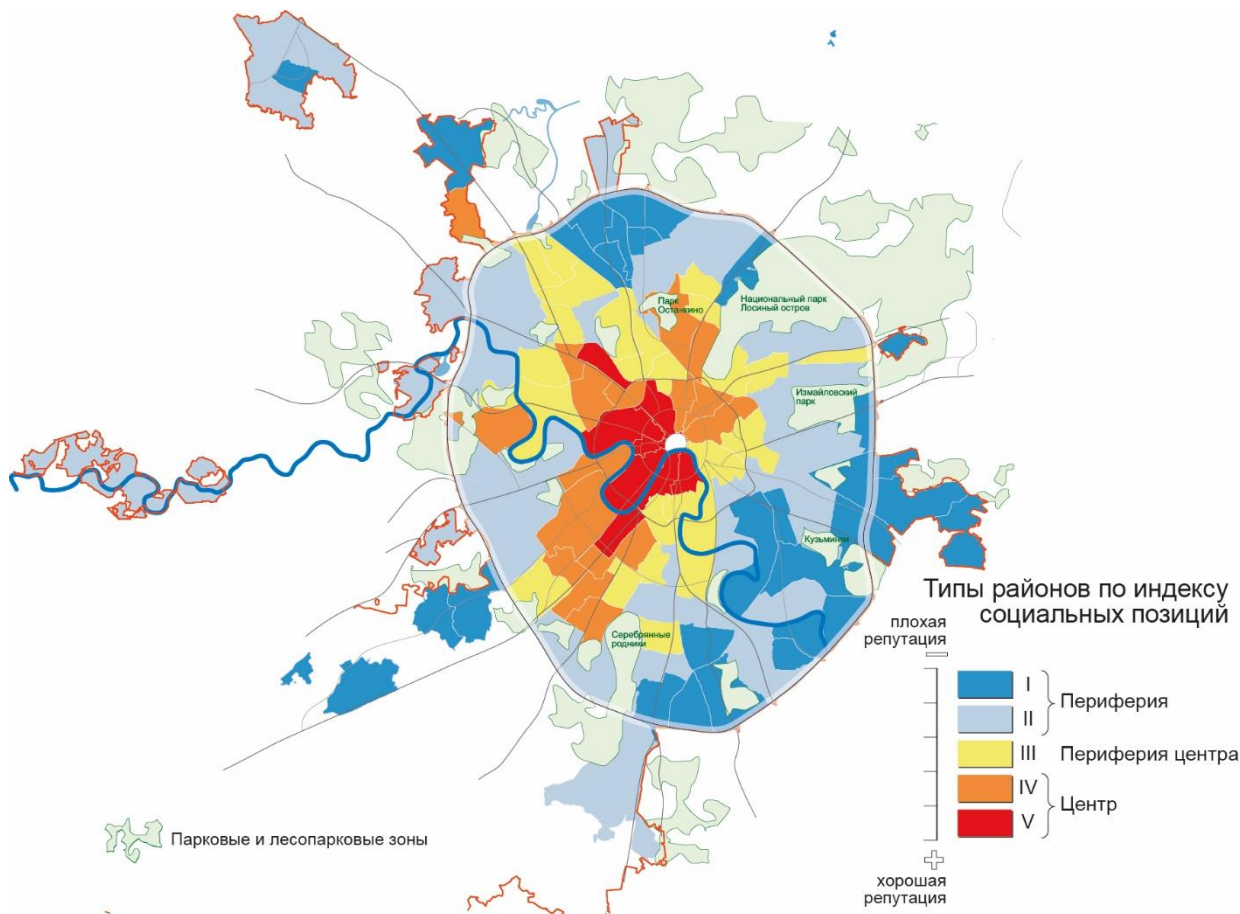

Рис. 1. Москва: резидентная дифференциация районов города в зависимости от репутации места
Fig. 1. Moscow: differentiation of the residential city districts depending on the reputation of the place

Какие выводы можно сделать из предложенного беглого обзора теоретических концепций? Во-первых, ни одна из них не является всеобъемлющей и не предлагает окончательного решения проблемы межэтнических и, шире, межкультурных конфликтов в городах. Только опора на знания, «добытые» в разных исследовательских областях, позволяет приблизиться к пониманию и объяснению сложных городских ситуаций и выработать необходимые подходы к решению возникающих проблем. Во-вторых, возрастающая сложность городских социумов, проявляющаяся прежде всего в многообразии этнокультурного состава населения, не позволяет рассматривать возникающие проблемы межэтнических отношений только с позиции конфликтующих идентичностей, взаимной неприязни, предвзятости, ксенофобии и прав человека, какими бы важными эти аспекты ни казались. Всё острее встают вопросы новых форм социального неравенства и плохо предсказуемых последствий двойственности процессов социального включения/исключения, влекущие за собой пересмотр многих общественных представлений (например, о социальной солидарности и справедливости) и расширение городской маргинальности. В-третьих, противоречивость и

¹ Понятие «среды» объединяет представления о локальном социуме и его жизненном пространстве

ограниченность теоретических построений, объясняющих причины напряжённости межэтнических отношений, не означает их ущербности и бесполезности. Напротив, неполнота концепций проявляет многообразие происходящих процессов, показывает их неоднозначность, выявляет сферы городской жизни, нуждающиеся в диагностике, и стимулирует развитие исследовательского инструментария для более тонкой настройки мониторинга.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Архитектура мониторинга этнокультурного разнообразия

Мониторинг этнокультурного разнообразия рассматривается нами как одна из основ городского управления и методологический подход, позволяющий решать конкретные задачи в условиях не только высокой степени неопределённости внешней среды, но и изменчивости самого объекта управления — межэтнических отношений. Невозможность априори выделить доминирующие факторы, влияющие на ход процессов (приведённый обзор теоретических концепций это убедительно показывает), заставляет уделять наибольшее внимание динамике происходящих изменений. Главным становится не достижение декларативной цели «гармонизации межэтнических отношений», а понижение уровня неопределённости ситуации и остроты вызовов, связанных с ростом этнокультурного разнообразия. Благодаря внесению ясности в проблему соотношения контактности и конфликтности городской среды, мониторинг становится инструментом непрямого контроля ситуации. Во многих случаях власти достаточно опереться на локальные процессы самоорганизации: практика городской жизни, социальные уклады и традиции делают проявления открытого насилия социально неприемлемыми [Вендина, Паин, 2018]. Но точно так же нередки ситуации, когда неформальные институты социума оказываются недостаточно развитыми и авторитетными, чтобы регулировать межгрупповые взаимодействия. Необходимы целенаправленные управленческие усилия.

Но как достичь идеала адресной политики в сфере межэтнических отношений, найти оптимальное сочетание тактики следования в русле самоорганизации с управленческой логикой противодействия этнической дискриминации, насилию и конфликтам? С нашей точки зрения, это возможно, если в основу архитектуры мониторинга этнокультурного разнообразия будут положены основные принципы ситуационного менеджмента [Jakobson et al., 2007]. Симбиоз инструментального и диагностического подходов, благодаря более точной диагностике причин возникновения кризиса, позволяет частично компенсировать дефицит управленческих компетенций и «рецептов» выхода из сложных положений. Но чтобы мониторинг обеспечивал ориентацию в нестандартных обстоятельствах, он должен отвечать определённым принципам и требованиям. Важнейшими из них являются:

- **полимасштабность**, предполагающая учёт различия факторов, действующих на разных территориальных уровнях, и возможность детализации пространственных данных — от анализа общей ситуации до выявления «горячих точек» и их подробного изучения;
- **темпоральность**, обеспечивающая непрерывный анализ динамики изменений, благодаря чему существует возможность вести мониторинг между переписями населения (1959–2020 гг.), электоральными циклами (4–5 лет), итогами ежегодной статистической отчётности, сезонными миграциями, суточными перемещениями горожан и мн. др.;
- **мультиперспективность**, избегание одностороннего взгляда на исследуемый феномен — данный принцип предполагает отсутствие разрыва между теоретико-методологическими подходами и выработкой конкретной городской политики, знание международной практики, учёт разнообразия поводов и мотиваций, влекущих за собой межгрупповые конфликты и примирения;

- **использование смешанных методов анализа** — количественные методы более эффективны при необходимости «взгляда сверху», позволяя увидеть общую картину и понять её структурные особенности, а качественные дают возможность разобраться в деталях, сложных переплетениях причин и следствий происходящих событий.

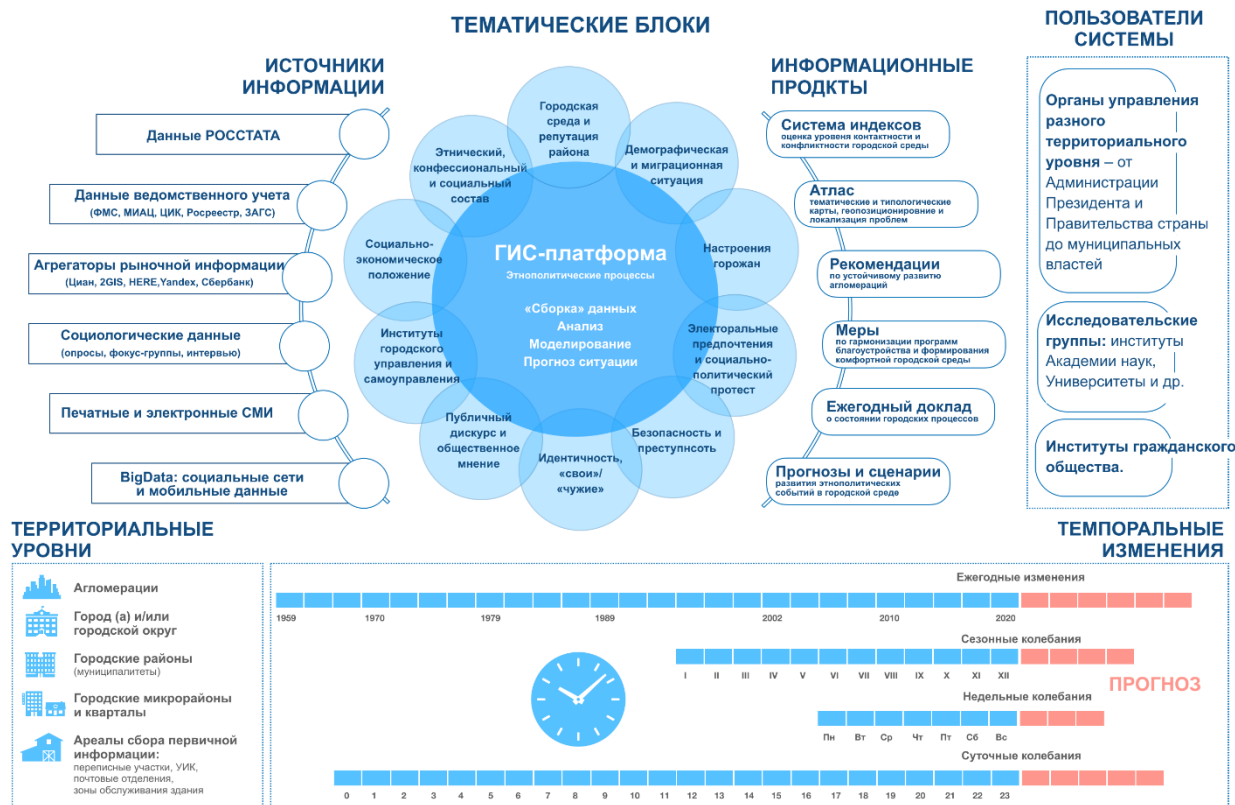

Рис.2. Архитектура геоинформационного мониторинга этнокультурных процессов в крупнейших городах

Fig. 2. The architecture of geographic information monitoring of ethnocultural processes in major cities

Многоэтажное здание мониторинга должно опираться на геоинформационную платформу (ГИС), которая обеспечивает интеграцию и территориальную привязку разнообразных данных об этнических, миграционных, экономических и общественно-политических процессах. Это позволяет не только накапливать и визуализировать данные, но и проводить сравнительный анализ состояния дел в разных районах (кварталах) города, а также в городе и пригороде или соседних регионах и стране. Сегодня на современные ГИС-платформы опираются все крупнейшие мониторинговые системы. Хороший пример — российская информационная система обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД), которая содержит не только геодезические и топографические материалы, но и базы социально-экономических данных, связанные с территориальным планированием разного уровня: Российская Федерация, субъекты РФ, муниципальные районы, городские и сельские поселения¹. Той же логике следует и предлагаемая нами архитектура мониторинга этнокультурного разнообразия города (рис. 2). При этом чем более мелкими будут пространственные

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации, утверждённый Федеральным законом от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ

ячейки сбора исходной информации, тем более точным и детальным будет результат проводимого анализа.

Не возникнет ли риск «утонуть» в большом объёме разнородных данных? Не превратится ли мониторинг этнокультурного разнообразия в анализ случайного набора разрозненных и ничего не объясняющих показателей?

Такой риск всегда есть, и примеров таких тоже немало, тем не менее он оправдан. Этнические факторы в городских межэтнических конфликтах являются социально-опосредованными и сильно зависят от политического контекста. Достаточно вспомнить беспорядки в Париже 2005 г. [Schneider, 2008], московском Западном Бирюлёво осенью 2013-го [Верховский, 2017] и американском Фергусоне в 2014-м [Joseph, 2016]. Можно привести и другие примеры. Все они подтверждают — негативное развитие событий можно было предотвратить, если бы наблюдения исследователей за внутригородской динамикой общественно-политических, демографических и социально-экономических процессов, а также настроениями людей и дискурсивными практиками принимались во внимание местными властями. По сути, умение работать с разными источниками информации и типами данных является страховкой от непросчитанных последствий принимаемых или непринимавшихся решений. А проблему избыточности и разнородности исходных данных позволяют решить, во-первых, методы математической статистики, а, во-вторых, возможности ГИС.

Относительная сложность процедур математического моделирования, по сравнению с привычным анализом первичных данных, искупается целым рядом обретаемых преимуществ, таких как:

- редуцирование всего массива показателей до наиболее значимых переменных, отвечающих за изменчивость свойств объекта, исключение второстепенных и случайных вариаций в исходной системе данных;
- сопоставление параметров, измеряемых в разных величинах, статистических и социологических данных, количественных и качественных характеристик; выявление неочевидных связей между процессами, характеризующими разные стороны городской жизни;
- классификация районов (кварталов) города в зависимости от выбираемых типологических признаков, выявление зон сравнительного благополучия/неблагополучия, оценка уровня неоднородности городской среды и социально-пространственной сегрегации;
- сравнение особенностей пространственной вариации выбранных типологических критериев (индексов), уточнение локализации «зон неблагополучия», т.е. таких, где наблюдается рост потенциала конфликтности за счёт аккумуляции негативных характеристик городской среды и отсутствия компенсирующих их факторов и трендов;
- постепенное фокусирование задач мониторинга, обеспечивающее логичный переход от количественного анализа к методам качественных исследований, позволяющим дать содержательную интерпретацию результатов математического моделирования, проверять высказанные гипотезы и уточнять характер необходимых решений.

ГИС создают иные преимущества. Они не только позволяют территориально интегрировать, визуализировать и наглядно представлять результаты мониторинга, но и включают в анализ пространственные факторы. Важнейшие среди них:

- **местоположение** — данный фактор оказывает существенное влияние на функционирование разного рода рынков (труда, недвижимости, жилья, коммуникаций, выборов и пр.);
- **соседство** — территориальная близость/удалённость, сходство/различие структуры хозяйства и локальной истории;
- **пространственная позиция** — центральность/периферийность, пограничность, коммуникационная связанность и пр.

Математические модели и карты как аналитические образы позволяют «свёртывать» и систематизировать информацию, интегрируя сведения, полученные из разных источников — от переписи населения и официальной статистики до опросов социологов, газетных публикаций и текстовых сообщений твиттера. Продуктами мониторинга становятся, во-первых, система индексов, верифицирующих различные гипотезы о конфликтности и контактности городской среды, и, во-вторых, аналитический атлас, позволяющий локализовать проблемные зоны, оценивать их масштаб и значимость. Например, сравнение карты межгрупповых столкновений и драк, фиксируемых в режиме реального времени, с индексом «горячих точек», рассчитанным на основе сочетания многих параметров, позволяет понять, в какой мере наблюдаемая картина является чем-то бóльшим, чем случайное событие. Привлечение других индексов, скажем, «этнической мозаичности», «недовольства населения» и «репутации районов» позволяет прогнозировать дальнейшее развитие ситуации и принимать решения, следуя принципу поддержания динамического равновесия между процессами управления и самоорганизации общества.

Проблемы данных и методические ограничения

Сложность структуры мониторинга (рис. 2), соответствующая сложности объекта наблюдений, делает его очень чувствительным к качеству исходных данных. Однако на сегодняшний день информация о населении городов скудна и разрозненна, собирается по слишком крупным ячейкам агрегации. Данные о пространственном поведении людей, которые генерируются сетями мобильной связи, слабо верифицируемы и плохо сопоставимы со статистическими показателями. Перепись населения не даёт адекватного представления о его этнокультурном составе и имущественном положении, а социологические опросы крайне редко учитывают внутригородскую дифференциацию жителей и различия районов. Это означает невозможность простого сведения уже имеющейся информации в единую систему и необходимость её формирования с базового уровня, определяя набор исходных показателей и учитывая аналитические ограничения каждого типа данных и исследовательских подходов.

В современной российской практике регулирования межэтнических взаимодействий в городах приоритет отдаётся гуманитарным подходам, опирающимся на культурную антропологию и этносоциологию, которые накопили большой и ценный опыт эмпирических исследований и с высокой степенью достоверности позволяют оценивать:

- выраженность групповых идентичностей (этнокультурных, национальных, социопрофессиональных, территориальных и иных) и их значимость для человека [Abrams et al., 2005; Дробижева, 2017];
- уровень напряжённости межэтнических отношений, взаимной неприязни, обид и претензий [Osgood et al., 1975];
- межкультурные дистанции и готовность к сотрудничеству [Bogardus, 1959; Parrillo, Donoghue, 2005].

Всё это очень важно и необходимо учитывать в управлении этнокультурном разнообразием города. Однако, как показывают примеры межэтнических столкновений в городах, которых достаточно накопилось за два прошедших десятилетия, перечисленные факторы имеют латентный характер и выплывают наружу только при наличии внешнего толчка, провоцирующего насилие. Такой срыв, как правило, обусловлен социально-экономическим, демографическим и политическим контекстом городской жизни, скоростью происходящих изменений, стечением неблагоприятных обстоятельств, накоплением проблем и противоречий в конкретном квартале или районе. Связь объективных показателей благополучия/неблагополучия населения и субъективных характеристик межгрупповых взаимодействий хорошо описывается теорией конфликтов. Поэтому социологическому и антропологическому зондированию межэтнических отношений должен предшествовать анализ социальной, экономической, демографической и политической ситуации в городах, на основе которого можно говорить об особенностях территориальной дифференциации городского

социума и неслучайности наблюдаемых пространственных различий. Без опоры на это «твёрдое» знание, социологические опросы и интервью остаются разрозненными исследованиями, слабо вписанными в общегородской контекст. Но, встроенные в общую систему, они позволяют разобраться в переплетениях причин и следствий.

Помимо статистических и социологических методов, которые уже давно вошли в управленческую практику, дополнить представление об этнополитической ситуации в городе позволяет институциональный анализ, ориентированный на выявление роли организационных структур и политических инструментов в управлении этнокультурным разнообразием. Исходными данными в этом случае являются принятые официальные документы разного территориального и административного уровня, декларации национально-культурных автономий, неформальные установки общин, землячеств и диаспор, а также инициативных гражданских групп и политических объединений. Этот аналитический блок также включает в себя информацию о локальном опыте межгрупповых взаимодействий, аккомодации меньшинств и мигрантов, частоте и востребованности контактов городских администраций с лидерами этнических диаспор, участии городов в общероссийских и международных программах. Особого внимания требует отслеживание дефектов деятельности сложившейся системы формальных и неформальных институтов: мониторинг проявлений насилия, практики дискриминации, нарушений прав и свобод человека, распространения «языка вражды» в публикациях масс-медиа и обыденном общении.

Существенным дополнением институционального анализа является систематическое наблюдение за флуктуациями публичного дискурса, отражающего и формирующего отношение общества к миграционным и этническим проблемам. Дискурсы, выходящие за пределы частной сферы и циркулирующие в обществе, рассматриваются нами как форма общественного мнения и социальная практика, одно из проявлений способности индивидов к созданию и поддержанию определённого типа социальной организации и порядка. Наблюдение за трансформацией публичного дискурса позволяет улавливать изменения в структуре поведенческих мотиваций людей. Так, резкий рост публично выражаемого этнического негативизма в сочетании с ростом численности неприязненно воспринимаемых этнических групп — грозные предвестники назревающего конфликта. Недостатком дискурс-анализа как прогностического метода является его субъективность и зависимость от профессионализма исследователя. Частично решить эту проблему помогают технологии беспристрастного компьютерного анализа текстов, которые постепенно проникают из науки в практику и могут быть полезны для анализа межэтнических отношений.

Ещё одним перспективным направлением мониторинга является анализ контента социальных сетей — незримых и обезличенных акторов, плетущих ткань повседневных контактов миллионов людей и структурирующих социальную реальность, — с помощью технологий обработки «больших данных» (BigData). На сегодняшний день этот метод успешно используется для мониторинга транспортной мобильности и потребительской активности городского населения. Гораздо реже он применяется для анализа пространственных различий содержательной структуры социальных медиа. Не в последнюю очередь это связано с отсутствием каналов легального доступа к информации в силу особенностей администрирования сетевых медиа. Но есть и причины другого рода. Во-первых, тема города и «своего» района слабо представлена в потоке информации, генерируемой социальными сетями. Если такие сообщения всё же появляются на ленте, то в них преобладает негативный контент. Причем уровень негативизма явно коррелирует с погодными условиями и сложившимися стереотипами общественного мнения, маркирующими городские районы как «хорошие» или «плохие». Приходится констатировать: сетевые сообщения характеризуют в первую очередь их автора и его настроение, и в последнюю — город и район. Во-вторых, возможности автоматического контент-анализа сетевых СМИ весьма ограничены, такая работа требует значительных трудозатрат на сбор и систематизацию данных. Особый случай — Instagram и YouTube, где почти отсутствуют текстовые сообщения. Зато они наполнены

разнообразными визуальными и музыкальными образами, которые позволяют анализировать средовой контекст жизни людей и их вкусовые предпочтения как факторы, влияющие на мировоззрение и поведение человека. Это тонкие и трудоёмкие исследования, методика верификации которых ещё недостаточно разработана. В-третьих, аудитория разных социальных сетей сильно различается по своей половозрастной и социальной структуре. Например, в московском сегменте сети «ВКонтакте» доля молодежи превышает 60 % пользователей, а аудиторию «Одноклассников» составляют преимущественно женщины в возрасте 35–64 лет. В «Facebook» собираются люди старше 45 лет. Twitter — наиболее удобная сеть для сбора информации и анализа сообщений, но даже в Москве она имеет недостаточное количество подписчиков и является нерепрезентативной.

Итак, как и в случае концептуального обоснования мониторинга этнокультурного разнообразия города, мы сталкиваемся с отсутствием единого и единственного источника информации, который позволял бы надёжно прогнозировать развитие этнополитических процессов. Только совокупность разнородных данных и методов анализа превращает мониторинг в инструмент прогноза, территориального планирования и принятия текущих решений. Вопреки увлечению мобильными и спонтанно генерируемыми данными (современный город насыщен разнообразными датчиками, производящими невероятные объёмы информации о каждом своём обладателе — от человека до зданий и помещений), первую скрипку в мониторинге по-прежнему играют не они, а традиционные (of-line) подходы: статистические наблюдения, опросы, «face-to-face» общение, анализ долговременных социальных трендов — от демографических изменений до дискурсивных метаморфоз. Причина этого в каузальной, а не корреляционной природе социальных зависимостей, о чём уже упоминалось, в отличии мониторинга социальных процессов от мониторинга природных, детерминированных физическими факторами.

ВЫВОДЫ

В заключение хотелось бы подчеркнуть несколько важных положений, которые были высказаны в тексте статьи, но могли ускользнуть от внимания. Прежде всего, предлагаемая модель мониторинга не исходит из предположения об изначальной конфликтности межэтнических отношений в городах и этнокультурном разнообразии как источнике угроз. Напротив, она позволяет рассматривать город как контактную среду — самонастраивающуюся социальную реальность, пронизанную множеством связей и взаимодействий, которые поддаются как прямым, так и косвенным управленческим воздействиям.

Мы также исходили из институциональных принципов организации жизни социума, согласно которым ни один из агентов власти над обществом (неважно, формально признанных или неформальных) не обладает всеми возможностями контролировать социальные процессы. Однако формируемые ими институты оказывают существенное влияние на их ход: от расстановки сил в обществе и особенностей межгрупповых коммуникаций зависит многое — от характера межэтнических отношений до практики повседневной жизни. Поэтому чрезвычайно важно понимать мотивы, цели и механизмы действий разных участников городской жизни, оценивать их влияние, определять характер и каналы влияния. Добиться этого в полной мере позволяет использование междисциплинарного подхода и разнообразного методического инструментария. Однако существующий риск эклектичного соединения результатов разрозненных количественных и качественных исследований, обесценивающий результаты мониторинга, требует строго соблюдения принципа единства методологических установок, понимания того, что, как и для чего измеряется.

Важно также подчеркнуть значимость временной и пространственной составляющих мониторинга. В случае временной компоненты, в фокусе внимания должны быть наблюдения не только за изменениями в этнополитической сфере и неблагоприятными трендами, но и за скоростями происходящих сдвигов. Стремительность перемен сама по

себе является серьёзным вызовом для общества, не успевающего к ним адаптироваться. Возникающее запаздывание — катализатор конфликтных ситуаций.

Учёт пространственных факторов отвечает вызову иного рода: включение городской этнокультурной политики в более широкий административно-территориальный контекст — региональный и государственный, позволяет преодолевать издержки местной «самодеятельности» и самостийности, не подавляя при этом локальную инициативу. К сожалению, в сегодняшней российской реальности эта проблема решается почти исключительно с помощью механизмов усиления «вертикали власти». Взаимосвязь и взаимообусловленность политики разного территориального уровня трактуется как иерархическая подчинённость, а не взаимодействие разных субъектов, отличающихся не только своими управленческими компетенциями, но и целевыми установками, решаемыми задачами и используемым инструментарием. Следование логике подчинения и дублирование смыслов государственной этнокультурной политики на муниципальном уровне выхолащивает суть последней, превращая её в формальное предписание «для начальства». Предлагаемая модель геоинформационного мониторинга позволяет преодолеть проблему директивного уподобления политики одного территориального уровня политике другого и добиться их синтеза, а не слепого копирования.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность за финансовую поддержку Российскому научному фонду: проект РНФ № 15-18-00064 «Новые подходы и методы регулирования этнополитических отношений на территории крупнейших городских агломераций России», а также Институту географии РАН: ГЗ ИГ РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008, № АААА-А19-119022190170-1.

ACKNOWLEDGEMENTS

The authors express their gratitude for the financial support of the Russian Science Foundation, RSF project No 15-18-00064 “New approaches and methods of regulation of ethno-political relations on the territory of the largest urban agglomerations of Russia” and Institute of Geography, Russian Academy of Sciences: GZ IG RAS “Problems and prospects of territorial development of Russia in conditions of uneven and global instability” No 0148-2019-0008, No АААА-А19-119022190170-1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болтански Л., Кьяелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 408 с.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта. Социологические исследования, 2017. № 5. С. 110–117.
4. Вендина О., Паин Э. Многоэтничный город. М.: Сектор, 2018. 180 с.
5. Верховский А. Динамика преступлений ненависти и деятельности ультраправых групп и движений в России в 2010-е годы. Пути к миру и безопасности. Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). Спецвыпуск. М.: ИМЭМО РАН, 2017. С. 116–124.
6. Вишневецкий А.Г., Денисенко М.Б. Миграции в глобальном контексте. Доклад на XVII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 17 с.
7. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 816 с.

8. Дробижеева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма. Мир России. Социология. Этнология, 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
9. Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 384 с.
10. Миграции и города мира: новые партнёрства для управления мобильными процессами. Глобальный доклад о миграции. М.: MOM, 2016. 250 с.
11. Мукомель В.И. Ксенофобия: этнофобии и мигрантофобии принимающего населения. Социальные факторы межэтнической напряжённости в России. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. С. 146–196.
12. Рубл Б. Городское разнообразие в эпоху масштабных миграций. Вестник Института Кеннана в России, 2012. № 21. С. 36–44.
13. «Свои» и «чужие»: толерантность, стереотипы, права. М.: Московская Хельсинкская группа, 2016. 116 с.
14. Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов. Демографическое обозрение, 2018. № 6. С. 125–149. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8665.
15. Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2010. 2-е изд. 164 с.
16. Abrams D., Frings D., Randsley de Moura G. Group identity and self-definition. The handbook of group research and practice. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005. P. 329–350. DOI: 10.4135/9781412990165.
17. Ahn von M., Lupton R., Greenwood C., Wiggins D. Languages, ethnicity, and education in London. London: Institute of Education, University of London. Department of Quantitative Social Studies. Working Paper, 2010. No 10–12. Электронный ресурс: https://www.researchgate.net/publication/46463035_Languages_Ethnicity_and_Education_in_London (дата обращения 18.03.2020).
18. Allport G. The nature of prejudices. Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954. 576 p.
19. Al Ramiah A., Miles H., Schmid K. Social identity and intergroup conflict. Psychological Studies, 2011. V. 56. No 1. P. 44–52. DOI: 10.1007/s12646-011-0075-0.
20. Andersen H.Sk. Ethnic spatial segregation in european cities. Routledge, 2019. 240 p.
21. Barry B. Culture and equality. An egalitarian critique of multiculturalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 399 p.
22. Billiet J., Meuleman B., Dewitte H. The relation between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: analysis of European Social Survey data. Migration Studies, 2014. V. 2. No 1. P. 1–27. DOI: 10.1093/migration/mnu023.
23. Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F. Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three european countries. Journal of Personality and Social Psychology, 2009. V. 96. No 4. P. 843–856. DOI: 10.1037/a0013470.
24. Blumer H. Race prejudice as a sense of group position. Pacific Sociological Review, 1958. No 1. P. 3–7.
25. Bobo L. Group conflict, prejudice, and the paradox of contemporary racial attitudes. Eliminating Racism: Profiles in Controversy. New York: Plenum Press, 1988. P. 85–114.
26. Bogardus E.S. Social distance. Los Angeles, CA: University of Southern California Press, 1959. 104 p.
27. Castles S. Migration and minorities in Europe. Perspectives for the 1990s: Eleven hypotheses. Racism and Migration in Western Europe. Oxford: BERG, 1993. P. 17–34.
28. Foner N., Duyvendak J.W., Kasinitz Ph. Introduction: super-diversity in everyday life. Ethnic and Racial Studies. Spatial Issue: super-diversity in everyday life, 2019. V. 42. No 1. P. 1–16. DOI: 10.1080/01419870.2017.1406969.

29. *Forbes H.D.* Ethnic conflict and the contact hypothesis. Psychological dimensions to war and peace. The psychology of ethnic and cultural conflict. Westport, Connecticut: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group, 2004. P. 69–88.
30. *Glaser J.* Social context and inter-group political attitudes: Experiments in group conflict theory. *British Journal of Political Science*, 2003. V. 33. No 4. P. 607–620.
31. *Hewstone M., Lolliot S., Swart H., Myers E., Voci A., Al Ramiah A., Cairns E.* Intergroup contact and intergroup conflict. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 2014. V. 20. No 1. P. 39–53. DOI:10.1037/a0035582.
32. *Hogg M., Abrams D.* Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. London: Routledge, 1988. 288 p.
33. *Hogg M.A., Terry D., White K.M.* A tale of two theories: A critical comparison of identity theory with social identity theory. *Social Psychology Quarterly*, 1995. V. 58. No 4. P. 255–269. DOI:10.2307/2787127.
34. *Jakobson G., Buford J., Lewis L.* Situation management: Basic concepts and approaches. Information Fusion and Geographic Information Systems. Lecture Notes in Geoinformation and Cartography. Berlin, Heidelberg: Springer, 2007. P. 18–33.
35. *Jargowsky P.A.* The architecture of segregation: Civil unrest, the concentration of poverty, and public policy. The Century Foundation. Iss. Brief, 2015. Электронный ресурс: <https://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-jargowsky.pdf> (дата обращения 18.03.2020).
36. *Joseph G.* From Ferguson to Charlotte, why police protests turn into riots. CityLab, September 2016. Электронный ресурс: <https://www.citylab.com/equity/2016/09/from-ferguson-to-charlotte-why-police-protests-turn-into-riots/500981/> (дата обращения 18.03.2020).
37. *Luhmann N.* Limits of steering. *Theory, Culture & Society*, 1997. V. 14. No 1. P. 41–57. DOI: 10.1177/026327697014001003.
38. *Meuleman B.* Perceived economic threat and anti-immigration attitudes: Effects of immigrant group size and economic conditions revisited. *Cross-cultural analysis: methods and applications*. London: Routledge, 2011. P. 281–310.
39. *Meuleman B., Davidov E., Billiet J.* Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: A dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 2009. V. 38. No 2. P. 352–365. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006.
40. *Osgood Ch.E., May W.H., Miron M.S.* Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1975. 520 p.
41. *Parrillo V.N., Donoghue C.* Updating the bogardus social distance studies: A new national survey. *The Social Science Journal*, 2005. V. 42. No 2. P. 257–271.
42. *Putnam R.D.* “E pluribus unum”: Diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scandinavian Political Studies*, 2007. V. 30. No 2. P.137–174.
43. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008. No 38. P. 922–934. DOI:10.1002/ejsp.504.
44. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 2011. 320 p.
45. *Price M., Benton-Short L.* Migration to the metropolis: the rise of immigrant gateway cities. NY: Syracuse University Press, 2008. 424 p.
46. *Quillian L.* Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. *American Sociological Review*, 1995. V. 60. No 4. P. 586–611. DOI: 10.2307/2096296.
47. *Rustenbach E.* Sources of negative attitudes toward immigrants in Europe. A multi-level analysis. *International Migration Review*, 2010. V. 44. No 1. P. 53–77. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2009.00798.x.

48. *Schneider C.* Police power and race riots. *Politics & Society*, 2008. V. 36. No 1. P. 133–159. DOI: 10.1177/0032329208314802.
49. *Schneider J.* Demographic “megatrends” and their implications. *Siirtolaisuus. Migration*, 2018. No 3. P. 26–31.
50. *Svendsen B.A., Quist P.* Multilingual Scandinavia: New linguistic practices. Introduction. *Multilingual Urban Scandinavia*. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2010. P. xiii–xxiii. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781847693143>.
51. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Brooks-Cole, 1979. P. 33–47.
52. *Tribalat M.* Assimilation: la fin du modèle français. Paris: Toucan, 2013. 352 p.
53. *Tropp L.R.* Understanding and responding to intergroup conflict: Toward an integrated analysis. *The Oxford Handbook of Intergroup Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 3–10.
54. *Tropp L.R., Pettigrew T.F.* Relationships between intergroup contact and prejudice among minority and majority status groups. *Psychological Science*, 2005. V. 16. P. 951–957. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2005.01643.x.
55. *Vertovec S.* Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 2007. V. 30. No 6. P. 1024–1054. DOI:10.1080/01419870701599465.
56. *Vertovec S.* Talking around super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 2019. V. 42. No 1. P. 125–139. DOI: 10.1080/01419870.2017.1406128.
57. *Zartman W.I.* Mediating conflicts of need, greed, and creed. *Orbis*, 2000. V. 44. No 2. P. 255–266. DOI: 10.1016/S0030-4387(00)00016-8.

REFERENCES

1. *Abrams D., Frings D., Randsley de Moura G.* Group identity and self-definition. *The handbook of group research and practice*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2005. P. 329–350. DOI: 10.4135/9781412990165.
2. *Ahn von M., Lupton R., Greenwood C., Wiggins D.* Languages, ethnicity, and education in London. London: Institute of Education, University of London. Department of Quantitative Social Studies. Working Paper, 2010. No 10–12. Web resource: https://www.researchgate.net/publication/46463035_Languages_Ethnicity_and_Education_in_London (accessed 18.03.2020).
3. *Allport G.* The nature of prejudices. Cambridge, MA: Addison Wesley, 1954. 576 p.
4. *Al Ramiah A., Miles H., Schmid K.* Social identity and intergroup conflict. *Psychological Studies*, 2011. V. 56. No 1. P. 44–52. DOI: 10.1007/s12646-011-0075-0.
5. *Andersen H.Sk.* Ethnic spatial segregation in european cities. Routledge, 2019. 240 p.
6. *Barry B.* Culture and equality. An egalitarian critique of multiculturalism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 399 p.
7. *Billiet J., Meuleman B., Dewitte H.* The relation between ethnic threat and economic insecurity in times of economic crisis: analysis of European Social Survey data. *Migration Studies*, 2014. V. 2. No 1. P. 1–27. DOI: 10.1093/migration/mnu023.
8. *Binder J., Zagefka H., Brown R., Funke F.* Does contact reduce prejudice or does prejudice reduce contact? A longitudinal test of the contact hypothesis among majority and minority groups in three european countries. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. V. 96. No 4. P. 843–856. DOI: 10.1037/a0013470.
9. *Blumer H.* Race prejudice as a sense of group position. *Pacific Sociological Review*, 1958. No 1. P. 3–7.
10. *Bobo L.* Group conflict, prejudice, and the paradox of contemporary racial attitudes. *Eliminating Racism: Profiles in Controversy*. New York: Plenum Press, 1988. P. 85–114.
11. *Bogardus E.S.* Social distance. Los Angeles, CA: University of Southern California Press, 1959. 104 p.

12. *Boltanski L., Chiapello E.* The new spirit of capitalism. Moscow: New Literary Review, 2011. 976 p. (in Russian).
13. *Brubaker R.* Ethnicity without groups. Moscow: Publishing House of the HSE, 2012. 408 p. (in Russian).
14. *Castles S.* Migration and minorities in Europe. Perspectives for the 1990s: Eleven hypotheses. Racism and Migration in Western Europe. Oxford: BERG, 1993. P. 17–34.
15. *Collier P.* Exodus: How migration changes our world. Moscow: Gaidar Institute Press, 2016. 384 p. (in Russian).
16. *Drobizheva L.M.* Civic identity as a condition for weakening ethnic negative stereotype. World of Russia. Sociology. Ethnology, 2017. V. 26. No 1. P. 7–31 (in Russian).
17. *Foner N., Duyvendak J.W., Kasinitz Ph.* Introduction: super-diversity in everyday life. Ethnic and Racial Studies. Spatial Issue: super-diversity in everyday life, 2019. V. 42. No 1. P. 1–16. DOI: 10.1080/01419870.2017.1406969.
18. *Forbes H.D.* Ethnic conflict and the contact hypothesis. Psychological dimensions to war and peace. The psychology of ethnic and cultural conflict. Westport, Connecticut: Praeger Publishers/Greenwood Publishing Group, 2004. P. 69–88.
19. *Glaser J.* Social context and inter-group political attitudes: Experiments in group conflict theory. British Journal of Political Science, 2003. V. 33. No 4. P. 607–620.
20. *Gudkov L.D.* Negative identity. The articles: 1997–2002. Moscow: New Literary Review, 2004. 816 p. (in Russian).
21. *Hewstone M., Lolliot S., Swart H., Myers E., Voci A., Al Ramiah A., Cairns E.* Intergroup contact and intergroup conflict. Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology, 2014. V. 20. No 1. P. 39–53. DOI:10.1037/a0035582.
22. *Hogg M., Abrams D.* Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. London: Routledge, 1988. 288 p.
23. *Hogg M.A., Terry D., White K.M.* A tale of two theories: A critical comparison of identity theory with social identity theory. Social Psychology Quarterly, 1995. V. 58. No 4. P. 255–269. DOI:10.2307/2787127.
24. *Jakobson G., Buford J., Lewis L.* Situation management: Basic concepts and approaches. Information Fusion and Geographic Information Systems. Lecture Notes in Geoinformation and Cartography. Berlin, Heidelberg: Springer, 2007. P. 18–33.
25. *Jargowsky P.A.* The architecture of segregation: Civil unrest, the concentration of poverty, and public policy. The Century Foundation. Iss. Brief, 2015. Web resource: <https://community-wealth.org/sites/clone.community-wealth.org/files/downloads/report-jargowsky.pdf> (accessed 18.03.2020).
26. *Joseph G.* From Ferguson to Charlotte, why police protests turn into riots. CityLab, September 2016. Web resource: <https://www.citylab.com/equity/2016/09/from-ferguson-to-charlotte-why-police-protests-turn-into-riots/500981/> (accessed 18.03.2020).
27. *Luhmann N.* Limits of steering. Theory, Culture & Society, 1997. V. 14. No 1. P. 41–57. DOI: 10.1177/026327697014001003.
28. *Meuleman B.* Perceived economic threat and anti-immigration attitudes: Effects of immigrant group size and economic conditions revisited. Cross-cultural analysis: methods and applications. London: Routledge, 2011. P. 281–310.
29. *Meuleman B., Davidov E., Billiet J.* Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: A dynamic group conflict theory approach. Social Science Research, 2009. V. 38. No 2. P. 352–365. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006.
30. Migrations and cities of the world: New partnerships for managing mobile processes. Global Migration Report. Moscow: IOM, 2016. 250 p. (in Russian).
31. *Mukomel V.I.* Xenophobia: ethnophobia and migrant phobia of the host population. Social factors of interethnic tension in Russia. Moscow: FISIS RAS, 2017. P. 146–196 (in Russian).

32. *Osgood Ch.E., May W.H., Miron M.S.* Cross-cultural universals of affective meaning. Urbana: University of Illinois Press, 1975. 520 p.
33. “Own” and “Alien”: tolerance, stereotypes, and rights. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2016. 116 p. (in Russian).
34. *Parrillo V.N., Donoghue C.* Updating the bogardus social distance studies: A new national survey. *The Social Science Journal*, 2005. V. 42. No 2. P. 257–271.
35. *Putnam R.D.* “E pluribus unum”: Diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scandinavian Political Studies*, 2007. V. 30. No 2. P.137–174.
36. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* How does intergroup contact reduce prejudice? Meta-analytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008. No 38. P. 922–934. DOI:10.1002/ejsp.504.
37. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* When groups meet: The dynamics of intergroup contact. Hove, East Sussex, UK: Psychology Press, 2011. 320 p.
38. *Price M., Benton-Short L.* Migration to the metropolis: the rise of immigrant gateway cities. NY: Syracuse University Press, 2008. 424 p.
39. *Quillian L.* Prejudice as a response to perceived group threat: Population composition and anti-immigrant and racial prejudice in Europe. *American Sociological Review*, 1995. V. 60. No 4. P. 586–611. DOI: 10.2307/2096296.
40. *Ruble B.* Urban diversity in the era of large-scale migrations. *Bulletin of the Kennan Institute in Russia*, 2012. No 21. P. 36–44 (in Russian).
41. *Rustenbach E.* Sources of negative attitudes toward immigrants in Europe. A multi-level analysis. *International Migration Review*, 2010. V. 44. No 1. P. 53–77. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2009.00798.x.
42. *Schneider C.* Police power and race riots. *Politics & Society*, 2008. V. 36. No 1. P. 133–159. DOI: 10.1177/0032329208314802.
43. *Schneider J.* Demographic “megatrends” and their implications. *Siirtolaisuus. Migration*, 2018. No 3. P. 26–31.
44. *Shnirelman V.A.* “Cleaners of Moscow streets”: skinheads, mass-media and public opinion. Moscow: Academy, 2010. 2nd edition. 164 p. (in Russian).
45. *Svendsen B.A., Quist P.* Multilingual Scandinavia: New linguistic practices. Introduction. *Multilingual Urban Scandinavia*. Bristol, UK: Multilingual Matters, 2010. P. xiii–xxiii. DOI: <https://doi.org/10.21832/9781847693143>.
46. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey: Brooks-Cole, 1979. P. 33–47.
47. *Tribalat M.* Assimilation: la fin du modèle français. Paris: Toucan, 2013. 352 p. (in French).
48. *Tropp L.R.* Understanding and responding to intergroup conflict: Toward an integrated analysis. *The Oxford Handbook of Intergroup Conflict*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 3–10.
49. *Tropp L.R., Pettigrew T.F.* Relationships between intergroup contact and prejudice among minority and majority status groups. *Psychological Science*, 2005. V. 16. P. 951–957. DOI: 10.1111/j.1467-9280.2005.01643.x.
50. *Tsapenko I.P.* The search for new approaches to the sociocultural integration of migrants. *Demographic Review*, 2018.No 6. P. 125–149. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8665 (in Russian).
51. *Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S.* Integration of migrants at the local level: results of a scientific and practical project. *Sociological Research*, 2017. No 5. P. 110–117 (in Russian).
52. *Vendina O.I., Pain E.A.* Multiethnic city. Moscow: Sector, 2018. 180 p. (in Russian).
53. *Verkhovsky A.* Dynamics of hate crimes and the activities of ultra-right-wing groups and movements in Russia in the 2010s. The paths to peace and security. Problems of terrorism, violent extremism and radicalization (Russian and American approaches). Special issue. Moscow: IMEMO RAS, 2017. P. 116–124 (in Russian).

54. *Vertovec S.* Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*, 2007. V. 30. No 6. P. 1024–1054. DOI:10.1080/01419870701599465.
55. *Vertovec S.* Talking around super-diversity. *Ethnic and Racial Studies*, 2019. V. 42. No 1. P. 125–139. DOI: 10.1080/01419870.2017.1406128.
56. *Vishnevsky A.G., Denisenko M.B.* Migration in a global context. Report at the XVII International Scientific Conference on the Development of Economics and Society. Moscow: National Research University HSE, 2016. 17 p. (in Russian).
57. *Zartman W.I.* Mediating conflicts of need, greed, and creed. *Orbis*, 2000. V. 44. No 2. P. 255–266. DOI: 10.1016/S0030-4387(00)00016-8.
-